

ДЖОН ХЕЙВУД

ЛЮДИ
СЕВЕРА

ИСТОРИЯ ВИКИНГОВ
793-1241

Джон Хейвуд

**Люди Севера: История
викингов, 793–1241**

«Альпина Диджитал»

2015

Хейвуд Д.

Люди Севера: История викингов, 793–1241 / Д. Хейвуд —
«Альпина Диджитал», 2015

ISBN 978-5-9614-4506-0

Цивилизация викингов – уникальное явление в истории. Не было до них европейцев, которые бы так широко раздвинули границы своего мира. Их завоевательные походы, поиски новых земель и легендарная отвага привлекают наше внимание спустя много веков. Книга Джона Хейвуда – увлекательная история древних скандинавов, а также рассказ об их мифологии, согласно которой путь людей Севера начался в Асгарде при сотворении мира. Автор помещает эту цивилизацию в широкий исторический контекст, от ее языческих корней и до интеграции в христианскую Европу. Такой подход помогает увидеть, что в разных странах эпоха викингов пришлась на разные периоды. Это был особый мир, родившийся в первые века нашей эры в Западной Европе, а окончательно исчезнувший лишь в XV в. в Гренландии.

ISBN 978-5-9614-4506-0

© Хейвуд Д., 2015
© Альпина Диджитал, 2015

Содержание

Предисловие	12
Введение	14
Сотворение мира	15
Асгард, дом богов	16
Милость богов	17
Слава – единственное настоящее посмертие	19
Глава 1	21
Плаванье Пифея на остров Фула	22
Скандинавия в каменном и бронзовом веке	24
Петроглифы	26
Происхождение драккара	28
Жертвоприношения в Ньюдамском болоте	30
Парус и Скандинавия	32
Руны и магия	33
Римское влияние на севере	35
Эпоха «Беовульфа»	37
Первые скандинавские королевства	39
Залы и хёрги	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Джон Хейвуд

Люди Севера: История викингов, 793–1241

Переводчик *Николай Мезин*
Редактор *Наталья Нарциссова*
Руководитель проекта *И. Серёгина*
Корректоры *С. Чупахина, М. Миловидова*
Компьютерная верстка *А. Фоминов*
Дизайн обложки *Ю. Буга*
Фото на обложке *iStockphoto.com*

First published in 2015 by Head of Zeus Ltd

© John Haywood, 2015

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2017

Все права защищены. Произведение предназначено исключительно для частного использования. Никакая часть электронного экземпляра данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для публичного или коллективного использования без письменного разрешения владельца авторских прав. За нарушение авторских прав законодательством предусмотрена выплата компенсации правообладателя в размере до 5 млн. рублей (ст. 49 ЗОАП), а также уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок до 6 лет (ст. 146 УК РФ).

* * *

СКАНДИНАВИЯ

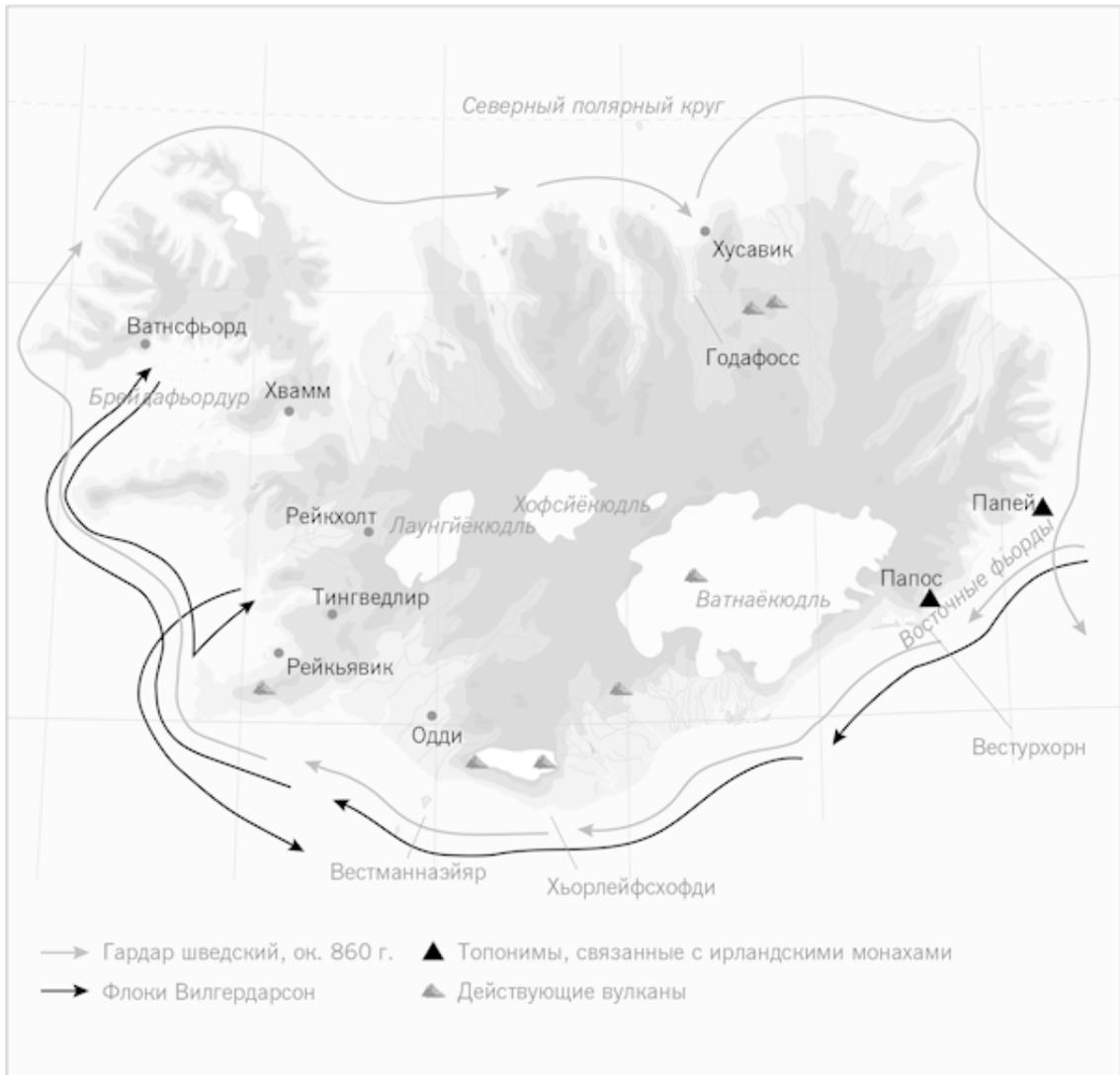
АНГЛИЯ И ИРЛАНДИЯ

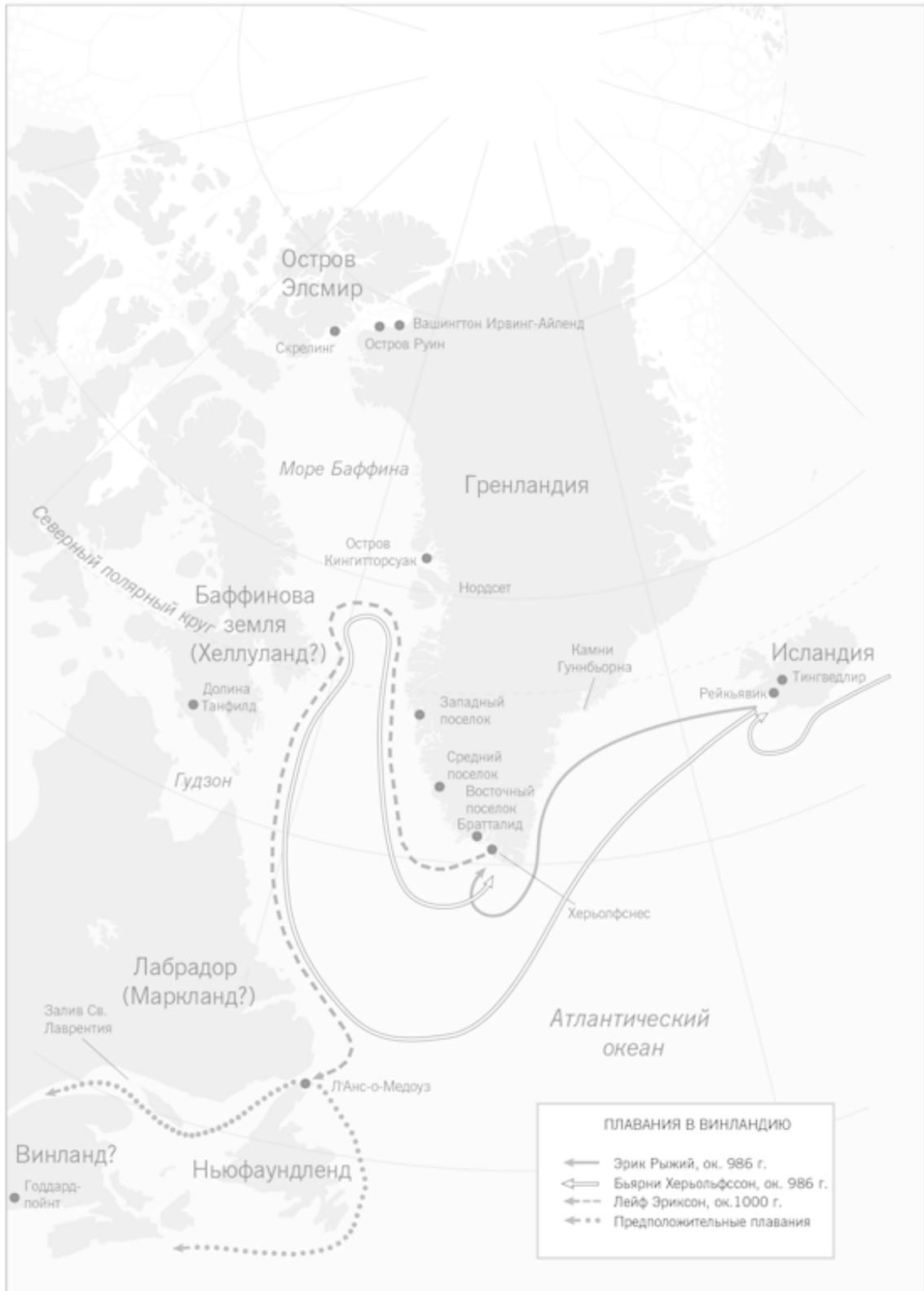
ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА ок. 800 г.

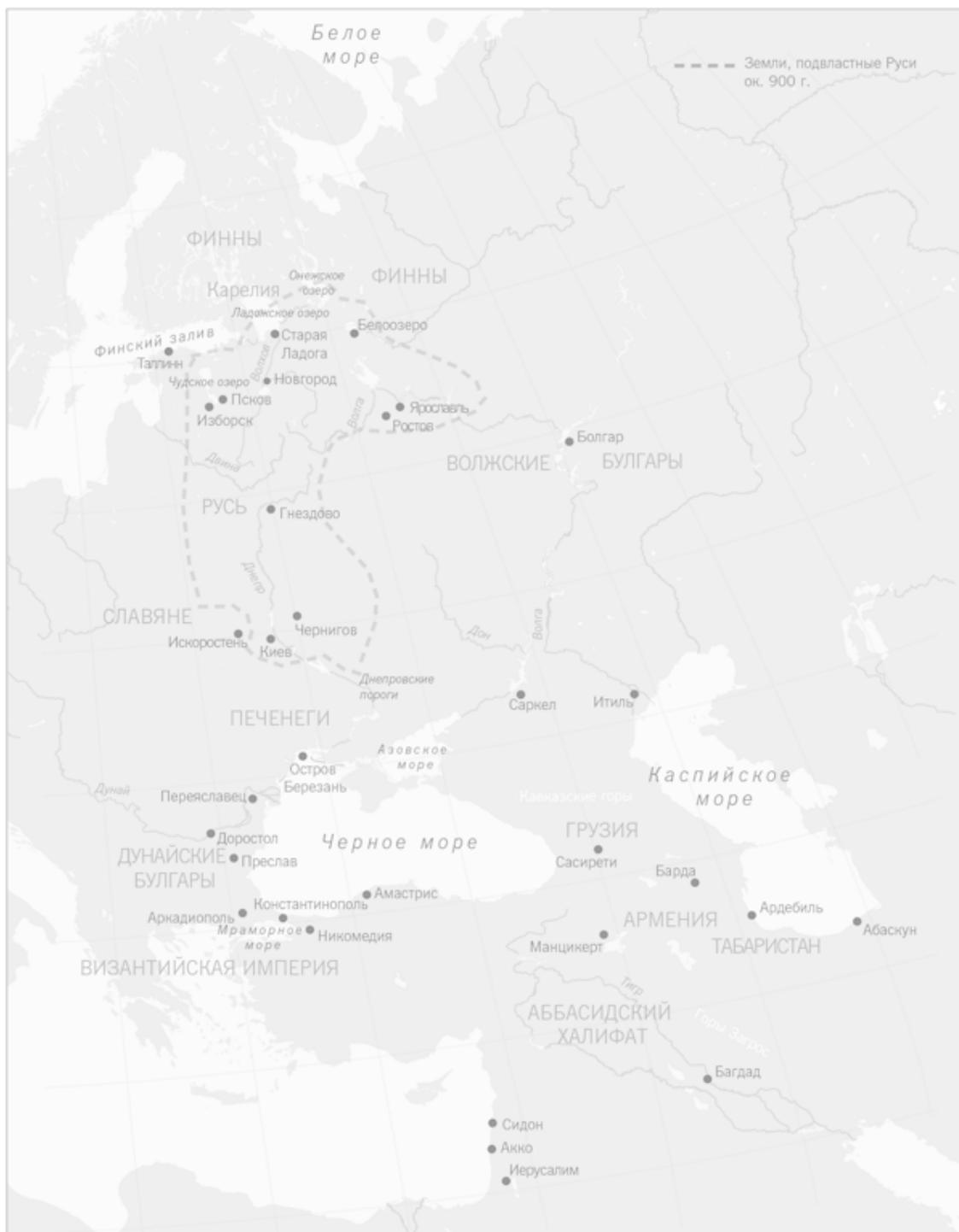
ИСЛАНДИЯ

ПЛАВАНИЯ В ВИНЛАНДИЮ

ИСЛАНДИЯ

Предисловие

Как менялись представления о викингах

Поистине уникальным явлением европейской истории викингов сделали не технологические, военные или культурные новации – во многих отношениях это были малоразвитые народы, и даже технологии судостроения у них были архаичными, – а то, как широко они раздвинули границы своего мира. Не было до них европейцев, которые повидали бы так много чужих стран. От родной Скандинавии викинги совершили плавание на восток по великим рекам России и дошли, переплыв Черное и Каспийское моря, до Константинополя и Багдада. На западе освоили все побережье Западной Европы, основав колонии в Шотландии, Англии, Ирландии и Франции. Вторгались они и в Средиземноморье, высаживаясь на берегах Италии и Северной Африки. А параллельно с этим пересекли Атлантику, по пути заложив поселения на Фарерах, в Исландии и Гренландии, и стали первыми, насколько мы сегодня знаем, европейцами, ступившими на землю Северной Америки. Именно эти далекие путешествия и отвага первопроходцев привлекают наше внимание к викингам спустя столько веков.

В разные времена к ним относились по-разному. Главными летописцами средневековой Европы были монахи, а поскольку они часто становились жертвами викингов, то много писали о чинившихся ими грабежах, разорении городов и захвате пленников (не особо распространяясь об изнасилованиях, видимо, потому, что для них, мужчин, хотя бы в этом смысле викинги не представляли опасности). Дикими варварами, сродни вандалам и готам, разграбившим античный Рим, норманны оставались до XIX в., когда наступила эпоха национального романтизма. Именно тогда средневековый образ викингов – непобедимых морских разбойников – получил новую трактовку. Превратившись в европейское захолустье, скандинавские королевства утратили влияние на международной арене и не принимали участия в построении империй, которым занялись Великобритания и Франция. В результате у скандинавов возникло непреодолимое искушение обратиться к героической эпохе, когда они правили миром. Именно тогда смысл слова «викинг» изменился. Средневековые авторы, используя его, подразумевали всякого, кто занимается морским грабежом, то есть пирата, и вовсе не обязательно скандинавского. Считается, что этимологически «викинг» – это «человек из бухты», возможно, потому, что именно в бухтах разбойники прятались, подстерегая торговые суда. Однако под влиянием национального романтизма слово «викинги» стало синонимом «скандинавов раннего Средневековья», и такое употребление закрепилось. Тогда же викингов «оснастили» варварскими рогатыми шлемами, что выглядит романтично, однако исторически недостоверно (зablуждение родилось из-за неверной атрибуции шлемов бронзового века как викингских). И эти шлемы также закрепились в массовом сознании.

Во второй половине XX в. этот воинственный образ подвергся пересмотру. Археологи обнаружили, что у викингов были и мирные занятия – ремесла, торговля, географические исследования, колонизация, – что позволило лучше представить образ жизни этих людей. Вместе с тем возникла тенденция преуменьшать их жестокость, считая описания монахов-хронистов преувеличением. Отчасти это было гиперреакцией на устоявшееся представление, но, кроме того, после двух кровопролитных мировых войн ни завоевания, ни строительство империй больше не казались европейцам героическими деяниями. И все же эпоха викингов была полна насилия: их торговля питалась военными трофеями, особенно пленниками, а основаниям мирных колоний предшествовали кровавые завоевания. Эта книга не претендует на то,

чтобы нарисовать всеобъемлющую картину жизни викингов: здесь почти не рассказывается об их достижениях в искусстве, о быте или, например, о положении женщин. Ее цель – поместить норманнскую цивилизацию в широкий географический и исторический контекст, начиная от ее доисторических языческих корней и до интеграции в христианскую Европу. Этот подход помогает увидеть, что эпоха викингов в разных странах началась и окончилась в разное время. В англоговорящем мире ее принято отсчитывать примерно от 793 г. (разграбление Линдисфарна) и заканчивать 1066 г. (битва при Стэмфорд-Бридж), но история не столь скрупулезна. В Скандинавии и Балтии эпоха викингов началась на добрую сотню лет раньше и в ряде отношений длилась еще на век дольше. На островах Шотландии последнее упоминаемое хрониками нападение норманнов произошло в 1240 г. В исландских и гренландских колониях государственные структуры и общественные институты эпохи викингов жили еще в XIII в. Викинги не явились ниоткуда, и закат их цивилизации был долгим. Это длинный путь, начавшийся в Асгарде при сотворении мира и окончившийся свадьбой в Гренландии в XV в.

Введение

Асгард

Мировосприятие викингов

*Гибнут стада,
родня умирает,
и смертен ты сам;
но знаю одно,
что вечно бессмертно:
умершего слава.
Глупый надеется
смерти не встретит,
коль битв избегает;
но старость настанет –
никто от нее
не същует защиты¹.*

Речи Высокого

В эпоху викингов обычный удел скандинава был таков: тяжелый труд на земле, постоянно подстерегающие опасности и смерть на четвертом или пятом десятке. Того, кто решил стать викингом в буквальном смысле этого слова, то есть пиратом, смерть зачастую настигала еще раньше. Опасность утонуть в море была повседневной реальностью для каждого: в непогоду хрупкие скандинавские суда шли на дно или в щепки разбивались о скалы. Купцы постоянно рисковали подвергнуться нападению морских разбойников, а на каждого викинга, вернувшегося домой с мешком серебра или добывшего себе надел земли на завоеванных территориях, приходился по меньшей мере еще один, изрубленный на куски в битве или умерший от болезни в зимнем лагере. Ясно, что в стремлении стяжать добро, землю и славу викинги охотно шли на отчаянный риск. Идеология этого дерзкого и предприимчивого сообщества всячески порицала уклонение от опасности. Мир, в котором жили древние скандинавы-язычники, не предполагал стремления к какой-либо высокой цели, и если людей и вправду создали боги, они сделали это лишь для собственной выгоды: чтобы было кому приносить им жертвы. Если человеческая жизнь в этом мире могла иметь какой-то смысл, то лишь тот, который ты придашь ей сам, совершив деяния, за которые тебя будут помнить.

¹ Пер. А. Корсуна.

Сотворение мира

Скандинавы считали, что в центре Вселенной находится исполинский вечнозеленый ясень Иггдрасиль, ветви которого объемлют небеса и соединяют миры богов, ледяных великанов, огненных великанов, эльфов, гномов, людей и царство мертвых. О происхождении Иггдрасиля и его будущности в мифах ничего не сказано, его существование разумелось само собой и полагалось, по-видимому, вечным. Однако при этом Иггдрасиль не упоминается в скандинавской космогонии, где мир творится в результате взаимодействия враждебных друг другу сил. В начале времен было всего два мира: огненный Муспель на юге и ледяной Нифльхейм на севере. Между ними лежала зияющая бездна Гиннунгагап. Там, где жар Муспеля встречался со льдом Нифльхейма, лед таял и капал. От тепла в каплях пробуждалась жизнь, и они превратились в великана, имя которому было Имир. Пока Имир спал, из пота у него подмышкой образовались еще два великана, мужчина и женщина, а одна его нога родила от другой сына. Таким образом Имир положил начало расе ледяных великанов. Лед продолжал таять, и появилась корова. Ее звали Аудумла. Она насыщалась лизанием соленого льда, а четыре молочные реки, текшие из ее сосцов, питали Имира.

От тепла ее языка изо льда появился еще один великан по имени Бури. Огромный, сильный и прекрасный, он произвел на свет сына по имени Бёр: о матери не сообщается ничего, но ею была, по-видимому, ледяная великанша, поскольку тогда в мире только они и жили – не считая Аудумлы. Бёр взял в жены Бестлу, дочь ледяного великана Бельторна, и у них родились три сына: Один, Вили и Ве – первые боги. Один с братьями убили Имира и сделали из его тела землю, а из крови – океан и установили над землей его череп, создав таким образом небо. Затем боги поймали несколько искр и горячих углей, вылетевших из Муспеля, и поместили на небо освещать небеса и землю. Также они посадили на небо темную великаншу Нотт (ночь) и ее прекрасного светлого сына по имени Даг (день), чтобы они друг за другом объезжали мир раз в 24 часа, и прекрасных брата и сестру по имени Мани (луна) и Суль (солнце). Теперь по их передвижениям можно было исчислять дни, месяцы и годы.

Боги сотворили мир в виде огромного круга. Область по периферии они отдали великанам. Это страна звалась Йотунхейм, и там великаны строили планы мести за убийство Имира. В середине боги из ресниц Имира построили для защиты от враждебных йотунов крепость, окруженную водами океана. Назвали ее Мидгард, то есть «Срединная земля». Наконец, боги взяли мозг Имира и разбросали по небу – так получились облака. На этом с утилизацией Имира покончили. Гуляя по берегу только что созданного океана, Один, Вили и Ве нашли два древесных ствола и вырезали двух первых людей, назвав мужчину Аск (ясень), а женщину Эмбла (вяз), и от этих первых произошло все человечество. Аску и Эмбле отдали на жительство Мидгард. Создав людей, боги занялись строительством собственного царства – Асгарда – небесного города высоко над Мидгардом, к которому присовокупили огненный радужный мост Биврёст, соединивший два царства, чтобы боги могли ездить к людям. О том, давно ли, по верованиям викингов, происходили эти события, мифология не сообщает. Как большинство дописьменных народов, викинги не имели точных методов датировки, и любые события, произошедшие не на памяти живущих, вероятно, существовали в некоем подобии Времени сновидений австралийских аборигенов.

Асгард, дом богов

В стенах Асгарда находились десятки восхитительных храмов и дворцов, где боги пировали и держали совет. Один, сидя на троне в Валаскьяльве, чертоге с серебряной крышей, озирает весь мир и каждое утро на заре отправляет своих воронов Гугина и Мумина собирать новости. Как любой норманнский вождь, Один имел личную дружину воинов, эйнхериев, набранную из числа храбрейших героев, павших в бою. Эйнхерии обитали в Вальгалле («чертоге убитых»), огромном дворце с 540 входами, каждый из которых был столь широк, что пропускал 800 воинов, идущих плечом к плечу. Вальгалла сияла золотом, вместо стропил там были копыя, а крыша сделана из щитов и лат. Каждое утро эйнхерии покидали свой дворец, чтобы провести день в битве. Вечером убитые чудесным образом исцелялись, и все возвращались в Вальгаллу, чтобы ночь напролет пировать, есть свинину и пить мед. Прислуживали героям валькирии («выбирающие убитых»), прекрасные женские божества, облаченные в броню и носившие щиты и копыя. По приказу Одина валькирии слетались на поле боя, чтобы решить, кому достанется победа, и выбрать, кому придется пасть, а храбрейших из павших проводить в Вальгаллу. Там героев встречали чашами хмельного меда, а эйнхерии в их честь громко стучали по столам. Норманнские воины знали, что должны заслужить гостеприимство Одина. Платой за него было участие на стороне Одина в Рагнарёке, великой битве, которая предстояла в конце времен и в которой боги и их непримиримые враги великаны должны были уничтожить друг друга огнем и потопом и разрушить саму Вселенную. После этого начинался новый цикл творения.

Милость богов

В скандинавских мифах боги никогда не представляли образцами добродетели, достойной подражания. Они стояли выше человеческой морали и, если нужно, легко лгали и обманывали, особенно в отношениях с великанами. Законы в Скандинавии также не были освящены авторитетом богов: за поддержание общественного порядка отвечали люди, и относились они к этому предельно серьезно, несмотря на те бесчинства, что творили в чужих землях. Среди богов лишь Один обладал мудростью. Он принес людям знание рун, поэзию, ярость берсерков и опасную магию под названием сейд, наделявшую даром предвидения и другими, более зловещими способностями. Мудрость Одина записана в «Речах Высокого» – созданном в эпоху викингов анонимном собрании афористичных стихов, которые приписываются Одину и сохранились в единственном исландском манускрипте XIII в. «Речи Высокого» не затрагивают метафизических материй, они целиком посвящены прагматичной житейской мудрости, ценимой практичными людьми. Заводи друзей, не воспринимай радушие как должное и отдаривай полученные дары. Не ссорься без нужды, не затевай драки по глупости. В походе держи оружие под рукой. Не пей много пива и меда, они отнимают разум. Если не знаешь предмета беседы, молчи: слушать полезнее. Будь осмотрителен в делах и всегда опасайся обмана. Сам всегда будь честен, но только не с врагами: их, если сумеешь, обманывай. Советы подчас бывают противоречивы. Автор «Речей» порицает труса, который думает, что, избежав схватки, будет жить вечно, но в то же время заявляет: лучше быть живым псом, чем мертвым львом.

Как и все доиндустриальные аграрные общества, скандинавы были беззащитны перед превратностями стихий и в борьбе за выживание уповали на помощь богов. Тех нужно было умилостивить, и в этом помогали только молитва и жертвы. Главной культовой практикой были праздники с жертвоприношениями, называвшиеся блот («приношение крови»), которые устраивались осенью, в середине зимы и весной. В скандинавском язычестве не было жрецов, поэтому совершал жертвоприношения местный король или вождь. Чаще всего на алтарь приносили свиней и лошадей. Кровь жертвенных животных, которую разбрызгивали на идолов, на стены святилищ и участников праздника, как считалось, укрепляла и людей, и богов. Мясо животных после этого варили в огромных котлах и съедали на священном пиру, где, по верованиям скандинавов, присутствовали и боги. Возносились молитвы и провозглашались тосты за плодородие, здравие и процветание. Иногда практиковались и человеческие жертвоприношения (обычно путем удушения), особенно в честь Одина, который пожертвовал собой, провисев девять дней на Иггдрасиле, чтобы познать тайну рун.

Хладнокровный и расчетливый Один особенно почитался королями, воинами и поэтами, но его скорее боялись, нежели любили. А самым популярным богом был, вероятно, сын Одина, могущественный громовержец Тор. Он был довольно вспыльчив и не особенно сообразителен – в большинстве сюжетов о Торе присутствует ирония по поводу его ограниченности и грубой силы, – но зато дружелюбен по отношению к людям. Тор защитил людей от великанов, желавших хаоса, разбив тем головы волшебным молотом Мьельниром. Крестьяне и мореходы молили Тора о хорошей погоде. Путешественники носили миниатюрные молоты как защитный амулет, подобно тому как христиане – образки святого Христофора.

Бог плодородия Фрейр управлял солнцем и дождем, и ему молились и приносили жертвы те, кто хотел мира и доброго урожая.

Из женских божеств самыми популярными, вероятно, были сестра Фрейра Фрейя, богиня секса и любви, и жена Одина Фригг, которую призывали женщины в родах. Жертвы приносили также дисам, безмянным сверхъестественным существам, связанным с плодородием и смертью. Дисы могли споспешествовать в деторождении, и у каждой семьи была своя диса-защитница. Однако, если их прогневать, дисы становились опасны, так что раз в году их уми-

лостивливали жертвами на празднике, называвшемся дисаблот, который в Норвегии и Дании устраивали в начале зимы, а в Швеции – в конце. Случалось, кровавыми жертвоприношениями задабривали и эльфов, так как и они могли досадить человеку множеством способов.

Слава – единственное настоящее посмертие

Обещание Вальгаллы не означало, что викинги были безрассудны в бою. Да, оно могло утешить воина, встретившего на поле боя смерть, но чего викинги хотели на самом деле, так это жить и пользоваться плодами победы. Только для берсерков, фанатичных приверженцев Одина, гибель в сражении бывала действительно желанна. Перед боем берсерки, воя и кусая щит, вводили себя в яростное иступление (*berserksgangr*, что означает «становиться берсерком»), в котором становились нечувствительны к боли и ранам. Берсерки не носили доспехов, и такое пренебрежение собственной безопасностью устрашало противника, однако большинство из них неизбежно находили свою смерть, которой так жаждали.

За исключением Вальгаллы, в остальном скандинавские представления о загробной жизни были довольно туманными и мрачными. Распространенная практика погребения вместе с умершим даров и принесенных в жертву животных и даже рабов подсказывает, что скандинавы представляли загробную жизнь похожей на земную, вплоть до сохранения социальных различий, и что умершие для них оставались рядом, некими призрачными сущностями, обитающими в могилах. Наряду с этим бытовало поверье, что умершие от болезни и старости, то есть почти все, попадают в наполненный ледяным туманом Нифльхейм, где их ждет безрадостное посмертие и дележ скудной снеди, раздаваемой разлагающейся богиней Хель. Души незамужних дев забирала Фрейя, которая помещала их в своем дворце Фолькванге: Один разрешил ей забирать туда же часть его воинов, чтобы девы не скучали в одиночестве. Души утопленников собирала Ран и доставляла на остров Хлеси во дворец своего мужа, бога моря Эгира. Проводившим загробную жизнь у Эгира повезло по крайней мере в том, что среди богов он был лучшим пивоваром.

Возможно, как следствие христианского влияния в эпоху викингов в скандинавском язычестве возникла концепция посмертного воздаяния, хотя в виде судилища без судьи. Души праведных попадали в Гимле, дворец с золотой крышей в Асгарде, или в другой гостеприимный чертог, Синдри, на горе Нидафьель в подземном царстве. Клятвопреступники и убийцы принимали заслуженные страдания в Настрандире, страшном дворце в Нифльхейме, построенном из переплетающихся змей, каплющих ядом. Самые черные души низвергались в Хвергельмир, колодец в подземном царстве, где их пожирал дракон Нидхёгг, трупоядец. Для большинства людей варианты посмертного жребия не обещали ничего такого, что было бы лучше их земного существования: даже самым славным воинам предстояло сгинуть в битве, которой им не суждено было выиграть, так что разумнее всего было жить сегодняшним днем.

Сознание конечности всего, даже богов и посмертной жизни, формировало у скандинавов фаталистический взгляд на жизнь и безразличие к смерти. Считалось, что воин должен встречать ее пожатием плеч и мрачной усмешкой, чтобы показать, что он сохранил самообладание и не поддается страху. Жизнь не стоила того, чтобы за нее особенно цепляться, и, если выпало погибнуть, ты все равно не мог ничего с этим поделать.

Язычники-скандинавы верили, что при рождении каждого человека присутствуют норны – женские божества, определяющие его судьбу. Предупреждение судьбы выглядело как сучение пряжи или нанесение зарубок на дерево, и раз указанную судьбу изменить было невозможно. Норны были высшей силой во Вселенной, и даже боги не смели оспаривать их приговор. В иных культурах подобные воззрения могут воспитывать апатию. В Скандинавии, однако, они питали дух авантюризма и предприимчивости, без которых никогда не случилось бы эпохи викингов. Добрую или злую, норны предписывали судьбу человека, но они не могли предписать, как он примет свою участь. Человек мог осторожничать и избегать малейшей опасности, но это не уберегало от рока: в назначенный час он умирал, в уютной ли постели или в гуще сражения. Человек, понимавший и принимавший такую картину мира, сознавал, что, идя на

риск, мало что теряет. Смерть приходит к каждому, а все, что остается от человека, – это слава, которая, таким образом, куда важнее жизни. Когда викинг насмерть стоял за своего господина и товарищей, он делал это не потому, что хотел попасть в Вальгаллу, а чтобы оградить свою честь от малейших подозрений в трусости. Человек без чести становился «нидингом», в буквальном смысле никем, его забывали – и поделом – даже родные. Тот, кто не рисковал ничем, достигал меньше, чем ничего. Лучше было проявлять храбрость и стяжать славу, богатство и почести дальними опасными походами и подвигами на поле брани. Тогда можно было умереть спокойно, зная, что и в следующих поколениях скальды (придворные поэты) будут петь тебе хвалу за пиршественным столом: вот единственная несомненная посмертная жизнь, на какую стоило надеяться.

Глава 1

Фуле, Ньюдам и Старая Уппсала

Происхождение викингов

Эпоха норманнских вторжений стала итогом нескольких веков общественного и политического развития, создавших в Скандинавии агрессивное и хищническое общество. Викинги не появились неведь откуда в конце VIII в., хотя именно так могло казаться их перепуганным и потрясенным жертвам. Но в остальной Европе эту эволюцию едва ли заметили, и не только по причине географической отдаленности. Глубокое культурное предубеждение образованного греко-римского мира против «варваров» означало, что народы Северной Европы почти не изучались и редко становились предметом описания. Предубеждение сохранилось до христианской эпохи, когда скандинавов стали порицать не только как варваров, но и как язычников. А поскольку книжная культура в Скандинавии вполне сформировалась только после прихода христианства, на закате эпохи викингов, то о предпосылках этой эпохи письменных свидетельств почти не осталось: доисторический период в Скандинавии получился долгим.

Плавание Пифея на остров Фула

Первым автором, описавшим посещение Скандинавии, был греческий путешественник Пифей из Массалии, который совершил плавание по северным морям около 320 г. до н. э. Вернувшись, он опубликовал путевые записки под названием «Об океанах». Увы, это сочинение до нас не дошло и сегодня известно лишь по цитатам, приведенным у более поздних греческих и латинских авторов. Эти цитаты показывают, что Пифей был не чужд наук и вычислял широту посещаемых мест по высоте солнца над горизонтом в полдень и по продолжительности дня. Современники, однако, считали, что Пифей выдумал свои приключения, настолько фантастичным казался его рассказ.

Родной город Пифея, Массалию (современный Марсель), основали в 600 г. до н. э. греки из Фокеи. Закрытая удобная бухта не могла не привлечь мореплавателей, к тому же недалеко находилась долина Роны, которая в те времена была важным торговым путем, по которому в Средиземноморье везли британское олово и балтийский янтарь. Фокейцы славились как самые предприимчивые из греческих мореходов. Вскоре после основания Массалии они отправились за знаменитые Геркулесовы столпы – Гибралтарский пролив – в Атлантику налаживать торговые связи с иберийским царством Тартесс, которое изобиловало рудами. По легенде, один из этих греков, Мидакрит, уплыл еще дальше и вернулся в Массалию с грузом британского олова. Где-то около 500 г. до н. э. выход в Атлантику фокейцам закрыли: Геркулесовы столпы захватил Карфаген, могущественный город на побережье Северной Африки. Карфаген жил торговлей и не собирался терпеть чужих купцов на своих морских дорогах. Таким образом, целью Пифея был, скорее всего, поиск новых торговых путей через области, не подвластные Карфагену.

Выйдя из Массалии, Пифей, вероятно, обошел земли враждебного Карфагена по суше и добрался до побережья Бискайского залива, где арендовал у одного из местных кельтских племен корабль до Британии. Особенно славились крепкими парусными кораблями бретонские венеты, которые активно возили на них олово с Британских островов. Пифей высадился на мысе Белерион (ныне Лэндс-Энд) и прошел всю Британию. Дотоле знания об этом острове у греков основывались на легендах и молве. Пифей первым добыл достоверные факты. Его оценка длины побережья острова в 40 000 стадий (то есть приблизительно 7400 км) удивительно близка к реальной цифре, которая составляет около 7560 км. Следующий этап путешествия увел Пифея далеко за границы известного мира. Отплыв с какого-то из островов у северного побережья Британии, он на шестой день пути достиг земли, которую называет Фулой. Его свидетельство о том, что солнце там в середине лета скрывается за горизонтом всего на два-три часа, позволяет определить местонахождение Фулы на 64° северной широты. Однако Пифей не располагал методами определения долготы. Очевидно, что Фула находилась где-то далеко на севере, но где именно? Невозможность определить точное местонахождение сделала ее скорее символом самых дальних северных земель, чем реальным объектом.

Эту землю пытались отождествить и с Исландией, и даже с Гренландией, но, как ясно показывает комментарий греческого географа Страбона (63–64 гг. до н. э. – 24 г. н. э.), Фулу населяли земледельческие народы:

«[Пифей], по-видимому, достаточно хорошо использовал бывшие в его распоряжении факты в отношении людей, живущих вблизи холодного пояса, говоря о крайней скудности и недостатке домашних животных и плодов, о том, что люди, живущие там, питаются просом и другими злаками, плодами и кореньями; а где есть хлеб и мед, там из них готовится и напиток. Что касается хлеба, говорит он, то, так как у них не бывает ясных солнечных дней, они молотят хлеб в больших амбарах, свозя его туда в колосьях; ибо

молотильный ток они не употребляют из-за недостатка солнечных дней и из-за дождей».

Страбон. География, кн. IV, 5.5²

Гренландию в те времена только начали осваивать охотники-собиратели иннуиты, а Исландия оставалась безлюдна, поэтому ни та ни другая на роль Пифеевой Фулы не подходит. А значит, высадился он, скорее всего, где-то неподалеку от Тронхеймс-фьорда, на западном побережье Норвегии. Несмотря на северные широты, климат норвежского побережья относительно мягок из-за Гольфстрима, теплого атлантического течения, и потому земледелие здесь возможно даже за Полярным кругом. На защищенных южном и восточном берегах Тронхеймс-фьорда почвы одни из самых плодородных в Норвегии, и земледельцы селились там уже в 2800 г. до н. э. Затем Пифей двинулся дальше на север, и его наблюдения явно свидетельствуют о том, что он пересек Северный полярный круг. Пифей утверждал, что в одном дневном переходе к северу от Фулы море сковано льдом, хотя неясно, видел ли он это своими глазами или пересказывал сообщения других мореплавателей.

Посетив Фулу, Пифей двинулся на юг исследовать Балтийское море, в которое, скорее всего, прошел через Скагеррак, Каттегат и какой-то из проливов между островами Датского архипелага. Пифей посетил некий остров Абалус, на берегах которого собирали янтарь. Камень огненного цвета, полупрозрачная окаменевшая смола, янтарь тысячелетиями высоко ценился в Средиземноморье не только за красоту, но и за электростатические свойства, казавшиеся волшебными: по-гречески янтарь назывался *электриум*, это он подарил нам слово «электричество». О происхождении янтаря ходили разные мифы, и Пифей был первым, кто установил истину. В Абалусе опознавали датские острова Зеландию и Борнхольм, Земландский полуостров возле современного Калининграда (ныне самый богатый источник янтаря) и остров Гельголанд в Северном море. Последняя версия кажется маловероятной, так как, по словам Пифея, Абалус лежал в одном дне морского пути от страны готов, которые в то время жили на побережье Балтики. По водам Балтики Пифей дошел до устья Вислы, а может быть и дальше, а затем двинулся домой в Массалию вниз по Танаису (Дону) на юг до Черного моря, где в одной из многочисленных греческих колоний без особого труда нашел корабль, который доставил его в родной город.

Цитата из Пифея, приведенная у Страбона, при всей ее краткости представляет собой первый отчет очевидца о том, как жили предки викингов, хотя и мало что сообщает об этих людях сверх того, что они пили мед и эль и сушили злаки в амбарах. Если Пифей и рассказал что-то о языке, обычаях и общественных институтах обитателей Фулы, читатели не сочли это достойным сохранения. Чтобы узнать о ранних предках викингов что-нибудь существенное, придется обратиться к археологии.

² Пер. Г. Стратановского.

Скандинавия в каменном и бронзовом веке

Предками викингов были, вероятнее всего, земледельцы каменного века, пришедшие в Скандинавию около 6000 лет назад и вытеснившие либо ассимилировавшие местных охотников-собирателей, чьи предки оказались здесь в конце последней Ледниковой эпохи, приблизительно еще на 6000 лет раньше. Новые пришельцы-аграрии принадлежали к культуре шнуровой керамики (названной так по способу украшения глиняной посуды путем отпечатывания в сырой глине плетеных шнуров), которая зародилась на Северо-Германской низменности. Хотя связь едва ли возможно установить абсолютно точно, культуру шнуровой керамики соотносят с областью начального распространения германских, славянских и балтийских языков. Если эта теория верна, то пришельцы-аграрии, вероятно, уже говорили на языках, которые предшествовали современным скандинавским и принадлежали, наряду с немецким, английским, голландским и фризским, к германской языковой семье. Близкое генетическое сходство современных датчан, норвежцев и шведов с современными северными немцами – еще одно подтверждение этой версии. Никаких свидетельств других сколько-нибудь массовых миграций в Скандинавию вплоть до конца XX столетия не обнаруживается. Эта земля оставила след в истории скорее как экспортер населения.

Около 1800 г. до н. э. в Скандинавии появляются первые бронзовые артефакты. Бронза – это сплав меди и олова, которые в ту пору в Скандинавии не добывали (богатые залежи меди в Швеции открыли только в Средние века). Поэтому скандинавы целиком зависели от импорта. Поначалу ввозились готовые бронзовые изделия, но, когда местные кузнецы освоили искусство бронзового литья, они, вероятно, стали закупать бронзу в чушках, что широко практиковалось тогда в Европе. В тот же период на континенте развернулась широкая торговля янтарем, и, возможно, именно им скандинавы оплачивали поставки бронзы. Янтарь высоко ценился, и это гарантировало, что дефицита бронзы на севере не случится. Установление торговых связей с дальними землями помогло создать в Скандинавии более сложную общественную иерархию, о чем свидетельствует появление небольшого числа особенных захоронений, содержащих ценные предметы и отмеченных погребальными курганами. Камень, годный для изготовления орудий, встречается всюду, но бронза была экзотическим продуктом, а ее изготовление и обработка требовали особых умений, так что торговлю бронзой монополизировала немногочисленная знать, чем существенно усилила свою власть и повысила статус. В самых плодородных областях на юге Скандинавии хутора стали объединяться в небольшие деревни. Типичным жилищем был длинный дом – узкое строение, где люди делили кров с домашним скотом: в одном конце помещения жили хозяева, а в другом был загон для животных. Зимой присутствие скотины помогало обогреть дом. Наличие в деревне одного большого дома среди множества меньших свидетельствует о том, что деревенской общиной управлял один старейшина или вождь. В Норвегии и части Швеции рассеянный тип расселения оставался нормой до конца эпохи викингов.

Бронзовые орудия были несравнимо эффективнее каменных, но не менее, а даже более важным применением бронзы стало изготовление символов статуса, таких как оружие, украшения, бритвы, рогатые шлемы, луры (рога-сосуды), оснащение для колесниц и предметы культа типа великолепной «Солнечной повозки» из датского Трудхольма – скульптурного изображения запряженной лошадей четырехколесной телеги, в которой едет искусно позолоченный солнечный диск. Рогатые шлемы, неверно датированные антикварами XIX столетия, вызвали к жизни романтическое, но ложное представление, будто именно в таких сражались викинги. Увы, норманны никогда не носили рогатых шлемов.

Знать бронзового века, вероятно, также распорядилась распределением и использованием янтаря. Янтарные бусы и другие украшения – распространенные погребальные дары в

скандинавских могилах каменного века, но они почти не встречаются в погребениях бронзового века. Янтарь так легок, что не тонет в соленой воде (еще одно свойство, делавшее его в глазах древних людей особенным камнем; кроме того, он горит), и волнами выносится на пляжи Балтики и Северного моря, где его можно собирать. Однако скандинавская знать, судя по всему, объявляла весь выброшенный на берег янтарь своей собственностью и, успешно запрещая простому народу его оборот, использовала главным образом для заморской торговли.

Петроглифы

Именно в бронзовом веке (ок. 1800–500 гг. до н. э.) обитатели Скандинавии впервые осознали важность мореплавания. Судов, относящихся к этой эпохе, археологи пока не нашли, но их изображения встречаются повсюду: высеченные на скалах, гравированные на бронзовых сосудах и утвари, например, на бритвах, а самые заметные – каменные лады. Это погребальные сооружения из крупных камней, имитирующие внешние очертания корпуса корабля. Бывало, что на концах такого каменного судна устанавливались высокие стелы, как бы обозначающие нос и корму; реже высокие камни устанавливались и в том месте, где у настоящего корабля находится мачта. Длина каменных ладей варьируется в основном в пределах от 1,8 до 15,25 м, однако самая длинная, ныне в значительной степени разрушенная, ладя в Йеллинге имеет длину около 335 м. До нас дошло более 2000 таких монументов, и больше всего их на шведском острове Готланд, но, вероятно, это лишь небольшая часть того, что было построено. Из сохранившихся ладей многие полуразрушены: крестьяне использовали камни в постройках или просто убрали их с пахотной земли, и, скорее всего, многие лады таким образом были уничтожены полностью. Первые каменные лады датируются второй половиной бронзового века, и строить их продолжали почти до конца эпохи викингов, то есть без малого 2000 лет. Какие верования связывались с этими символическими кораблями, оставались ли они неизменны на протяжении стольких веков, неизвестно, но, вероятно, лады должны были доставлять души умерших в загробный мир. Практика погребения в настоящих кораблях, которая появилась в столетия, непосредственно предшествовавшие эпохе викингов, видимо, была дальнейшим развитием тех же представлений.

Еще более многочисленны, чем каменные лады, петроглифы, изображающие большие, похожие на каноэ суда, в которых плывут воины с копьями и топорами, а также повозки, животные и солнечные диски. Они всегда изображены силуэтом и имеют выгнутые нос и корму. Впрочем, никаких иных деталей конструкции петроглифы не показывают. Как правило, эти изображения располагаются в скалистых руслах, так, чтобы дождевые или талые потоки создавали живую картинку. Маловероятно, что эти петроглифы люди бронзового века вырезали только потому, что им нравились изображения ладей. Скорее всего, они иллюстрируют какие-то сцены из мифологии или имеют ритуальное назначение. Нарисованным ладьям часто сопутствуют петроглифы солнечного диска, которые наряду с артефактами типа «Солнечной повозки» из Труднхольма, вероятно, следует считать признаками солярного культа. В позднем бронзовом веке солярные культы широко распространились в Европе, что указывает на возросшую важность небесных богов, которые, разумеется, доминировали в скандинавском пантеоне эпохи викингов. Другой переменной, затронувшей в те времена верования большей части Европы, было введение в обиход кремации как законного способа погребения. Ему сопутствовал отказ от прежней практики погребальных даров. Ясно, что эти перемены должны отражать коренной сдвиг в представлениях о загробной жизни. Ценные металлические изделия, которые прежде клали в могилы, стали погребать как votivныеклады в болотах. Болота, где смешиваются миры воды, земли и воздуха, считались по этой причине особенно таинственными местами. Вместе с тем votivныеклады были не просто способом задобрить богов: искусственный дефицит металла помогал элите сохранять высокий статус.

Вследствие природных изменений мы не можем оценить большинство петроглифов бронзового века в их оригинальном контексте. Хороший пример дает объект всемирного наследия ЮНЕСКО Танумсхеде, в Бохуслене на западном побережье Швеции, где на площади в 51 га разбросано около 600 петроглифов. Когда их вырезали, место было берегом неглубокого фьорда, но сейчас оно далеко от моря и поросло сосновым лесом. Во время последнего оледенения под колоссальной тяжестью Скандинавского ледового щита земля просела на 610 м. Когда

ледники растаяли, поднялся уровень океана и эта обширная низина заполнилась водой, образовав Балтийское море. Но, освободившись от бремени, земля стала медленно подниматься, и это будет продолжаться еще не одно тысячелетие. В геологии этот процесс называется изостатическим поднятием, и из-за него береговая линия Скандинавии постоянно меняется на протяжении всей истории человечества. Торговым и рыбацким поселениям, зависевшим от моря, не раз приходилось менять место, когда из-за поднятия они оказывались далеко от берега. Балтийское море постепенно высыхает, и приблизительно через 2000 лет его северное крыло, Ботанический залив, по большей части станет сушей.

В течение железного века (500 г. до н. э. – 800 г. н. э.) скандинавское общество постепенно приобретало те особенности, которые напрямую обусловили экспансию викингов. Скандинавский железный век принято делить на три периода: ранний или доримский железный век (500 г. до н. э. – 1 г. н. э.), римский, железный век (1–400 гг. н. э.) и германский железный век (400–800 гг. н. э.). Изобретение железа вызвало в Скандинавии немедленные и значительные перемены. Бронза для изготовления орудий и других артефактов была полностью привозной, но болотное железо – бедная, легко обрабатываемая руда, накапливающаяся в болотах и топях, – имеется здесь в изобилии. Наступившая экономическая независимость привела к упадку торговли с дальними странами, которая обеспечивала незыблемость элит в бронзовом веке. Утратив контроль над распределением металла, элиты лишились влияния и статуса, и лишь пять веков спустя мы обнаруживаем признаки нового формирования общественных элит.

Широкая доступность металлических орудий обеспечила распространение земледелия и рост населения, что сопровождалось нарастанием социальной напряженности. В конце второго столетия демографическое давление выплеснуло из Скандинавии первую из многих в ее истории миграционных волн. Ввиду острой нехватки пахотных земель около 120 г. до н. э. два племени из Северной Ютландии, кимвры и тевтоны, отправились на поиски новой родины. Эти поиски вылились в кровавые набеги на территории Центральной и Западной Европы, в 102 г. до н. э. докатившиеся до Италии, где, наконец, кимвров и тевтонов уничтожили римляне. Эта миграция, хотя и окончилась катастрофой, была лишь предвестием грядущих событий. Многие из германских племен, вторгшихся в V в. в Римскую империю, по преданиям, имели скандинавские корни. Готы считали, что происходят из Гёталанда на юге Швеции; бургунды – с острова Бургундархольм, ныне датский Борнхольм; вандалы – из Ютландии. Точно из Ютландии вышли англы и юты, которые вместе с саксами колонизировали Британию. Готский историк Иордан около 550 г. назвал Скандзу колыбелью народов за то, что она дала начало столь многим племенам. Экспансия викингов, по сути, была лишь последним этапом продолжительного периода северных миграций.

Происхождение драккара

Важнейшая археологическая находка раннего железного века – военная: почти целое «боевое каное» и оружейный клад, погребенные вместе в болоте близ Хьортспринга на датском острове Альс приблизительно во времена плавания Пифея. Само судно – старейшая на сегодня дощатая ладья, обнаруженная в Скандинавии, и это наиболее ранний из известных предков норманнского драккара. У хьортспрингской ладьи сразу бросаются в глаза выгнутые поднятые концы, точно как у судов, изображенных на петроглифах бронзового века, так что она, вероятно, представляет собой образец давно утвердившейся технологии. Ладья 17 м длиной и 1,8 м шириной построена всего из пяти липовых досок: одна широкая доска – днище и по две доски внахлест – борта. Именно этот метод сборки корабельного корпуса из досок, скрепленных внахлест, известный как клинкер, обшивка край на край или скандинавская конструкция, и обнаруживается в хьортспрингской ладье самого раннего из известных предшественников норманнского драккара, корпус которого строился таким же способом. Оканчивался корпус хьортспрингской ладьи двумя резными балками, которые служили штевнями. Назначение выступающих клювов, если оно было, нам неизвестно. Возможно, они должны были цепляться за борт вражеского судна, чтобы перевернуть его, а возможно, это просто реликт ранних этапов скандинавской кораблестроительной традиции и его назначение лишь в том, чтобы придавать кораблю воинственный вид. При постройке ладьи не использовали металлические детали: доски скреплены между собой и привязаны к ребрам каркаса веревками из липового лыка. Гребцов на ладье было 20 – хорошее число для разбойничьей ватаги, – и сидели они на банках на уровне фальшборта. Рулевое весло было и на носу, и на корме, чтобы ладья могла идти в любом направлении. Это удобно для разбойничьих нападений: ладья причаливает к берегу, и ее не нужно разворачивать, если возникает необходимость поскорее отплыть. Умелые строители сделали ладью насколько можно легкой, а ходовые испытания точной реплики показали, что судно было быстрым, устойчивым и с неплохой мореходностью. Вместе с ладьей в болоте затопили оружие на небольшую армию: 138 копий с железными наконечниками, 31 копье с роговыми или костяными наконечниками, 11 железных мечей, от 60 до 80 щитов и около 20 кольчуг, которые, за исключением одной, дошли до нас в виде ржавых отпечатков на торфе. Также в погребении обнаружены фрагменты бронзового котла и кости лошади, собаки и щенка, ягненка и теленка. И ладья, и оружие сохранились благодаря кислотной и бескислородной среде торфяного болота, где органические материалы типа дерева, ткани и кожи консервируются за счет «маринования», а отсутствие кислорода замедляет ржавление железа.

Хьортспрингский клад – один из самых ранних примеров приношения в жертву военных трофеев, которое в начале железного века стало обычной практикой в Скандинавии и соседних территориях Северной Германии. По масштабу, однако, с хьортспрингским кладом несравнимо ни одно из известных жертвоприношений, и, видимо, он увековечивает какое-то крупное сражение. Вероятнее всего, ладья и оружие принадлежали большому войску, которое вторглось на Альс, но было разбито местными жителями, которые и пожертвовали военную добычу богам в благодарность за дарованную победу. Оружия в кладе хватит, чтобы снарядить по меньшей мере 80 воинов, так что пришельцам понадобился бы флот не меньше чем из четырех ладей, аналогичных хьортспрингской, но, конечно, мы не знаем, какой части агрессоров удалось бежать. Во всяком случае ясно, что морским разбоем в Скандинавии занимались уже в раннем железном веке.

В приношениях болотам встречаются не только оружие и лодки, но и люди. Ни в Швеции, ни в Норвегии человеческих останков в болотных кладах не обнаружено, но более 200 тел найдено в Дании и соседних областях Северной Германии. Хотя кости многих жертв без следа растворились в кислой среде болота, волосы, кожа и внутренние органы во многих случаях

сохранились так хорошо, что анатомирование позволило многое узнать о прижизненном здоровье этих людей, их питании и причинах смерти. Неожиданно было, например, что в начале железного века в рационе датчан не занимали заметного места морепродукты. Большинство болотных тел имеет признаки насильственной смерти: например, человека из Толлунда повесили около 400 г. до н. э., а человеку из Гроболла столетием позже перерезали горло. Некоторые из болотных тел обнаружены под гнетом тяжелых сучьев. В «Германии», трактате римского историка Тацита, написанном в 98 г., говорится, что таков был у германцев один из способов казни преступников.

Войнолюбие скандинавского общества усилилось в годы римского железного века. В вотивныхкладах, особенно в Дании, обнаруживается немало римского оружия – свидетельство того, что скандинавы, вероятно, часто воевали с жившими южнее германцами, которые имели прямой доступ к римскому оружию. О том, как возросла важность войны для жизни общества, свидетельствуют погребения воинов с оружием – признак того, что в Скандинавии роль элиты перешла к военным. В некоторых таких погребениях обнаруживаются привозные предметы роскоши: римская серебряная посуда, украшения и стекло. Из этого можно заключить, что среди военной элиты возник класс вождей или князьков. Обычные римские изделия, например керамика или монеты, также в каких-то количествах обнаруживаются в Скандинавии, то есть торговый обмен с Римом не ограничивался предметами роскоши. Возможно, торговля с Римской империей шла напрямую по морю, но более вероятным представляется, что римские товары попадали в Скандинавию через германских посредников. Неудивительно, что римских изделий больше всего в Дании, но по территории страны они распределены неравномерно. Заметная их концентрация обнаруживается в коммуне Стевнс на острове Зеландия, из чего можно заключить, что в этом месте находился центр сильного вожества или небольшого королевства, способного вести широкую торговлю. Другой яркий пример, относящийся к более позднему времени железного века, – Гудме на острове Фюн, где обнаружены остатки 47-метрового длинного дома: самое просторное из известных помещений того периода, оно получило название «королевский дворец», и, безусловно, появление дворца таких размеров подразумевает существование сильной центральной власти. Еще в Гудме найдено более 1000 римских монет, включая 20 золотых денариев. Гудме означает «дом бога», и, возможно, здесь находился культовый центр. С ним был тесно связан сезонный порт и ярмарочный центр в Лундеборге, где найдены римские монеты и другие привозные изделия, а другие находки указывают на то, что там строились суда. Эта связь религии и торговли также прослеживается в другом ярмарочном центре железного века, Уппокре, недалеко от Лунда, Южная Швеция, где раскопаны остатки деревянного храма. Скорее всего, ярмарки устраивались во время религиозных праздников, когда можно было ожидать много приезжих.

Жертвоприношения в Ньюдамском болоте

Ни одна другая группа археологических находок не демонстрирует воинственность скандинавского общества в римском железном веке так наглядно, как Ньюдамское болото на юге Ютландии. Сегодня лежащее чуть севернее датско-немецкой границы, в железном веке это место предположительно находилось на земле англов, германского племени, от которого получили свое название англичане. В наши дни болото превратилось во влажный луг, но в римскую эпоху это было озеро, поросшее камышом. В 1830-х гг. местные крестьяне, добывая из заболотившегося к тому времени озера торф, стали находить старинное железное оружие и щиты. Эти находки в конце концов привлекли внимание антикваров, и с 1859 по 1863 г. на болоте работал датский археолог Конрад Энгельхардт, поднявший оттуда много разного оружия, две целые ладьи, обшитые внахлест, дубовую и сосновую, и еще одну дубовую ладью, которую перед затоплением намеренно разломали. Раскопки остановила разразившаяся в 1864 г. война между Данией и Пруссией, после которой местность оставалась под немецкой властью до 1920 г. Во время войны сосновую лодку разобрали на дрова немецкие солдаты. Новые тщательные раскопки в 1984–1997 гг. обнаружили еще несколько тысяч артефактов.

Недавно возникшая наука дендрохронология – исследование годовых колец в старых образцах древесины – с высокой точностью датирует постройку дубовой ладьи 310–320 гг. К моменту захоронения она была уже не новой, так что предположительно затопили ее где-то около 350 г. Большая из двух ладей, дубовая, имела 21,3 м в длину и 3,65 м в ширину и приводилась в движение силами 30 гребцов. Это было судно с острым носом и кормой, с высокими косыми штевнями, управлялось оно рулевым веслом, не жестко закрепленным на борту. Как и у хьортспрингской ладьи, найденной всего в нескольких километрах от Ньюдама, у дубовой ньюдамской обшивка собрана внахлест, но здесь доски не стянуты лыком, а сбиты железными гвоздями с загнутыми концами. Внутренний каркас крепился к обшивке, как и у хьортспрингской ладьи, веревками из липового лыка. Никаких гнезд для мачты в дубовой ладье не оказалось, так что ньюдамское дубовое судно не имело паруса. Рисунки, сделанные с сосновой ладьи, показывают, что она была около 18,5 м в длину и 3 м в ширину, вмещала около 22 гребцов и имела примерно ту же конструкцию, что и дубовая. Признаков мачты также не обнаруживается. Современные археологи раскопали в болоте несколько фрагментов сосновой лодки, самым важным из которых было рулевое весло, жестко соединенное с бортом с помощью деревянного штыря. Такой тип рулевого весла использовался на норманнских кораблях всю эпоху викингов и после. Рулевое весло всегда устанавливалось на борту, справа от кормчего, почему и называлось старборд (старонорвежское *styrir* / руль и *borð* / борт). Найденный в ладье щит изготовлен из дерева, срубленного в 296 г., так что приношение ладьи, вероятно, произошло в начале IV в. Большая часть третьего судна предположительно остается в болоте, но в этой третьей ладье определенно использовались уключины, и доски обшивки у нее скреплены загнутым гвоздем. Построена она из дерева, срубленного в 190 г., так что затоплена, вероятно, в начале III в.

Произошедший в начале железного века переход к веслу с уключиной – важное событие. На войне удобнее грести лицом вперед, потому что команда видит, куда идет корабль, ей легче заметить врага, и она быстрее высаживается и грузится, чем команда, сидящая спиной. Вместе с тем при гребле с уключинами спиной вперед намного эффективнее расходуется энергия, и переход на эту технологию позволил увеличить дальность плавания. Об этом свидетельствует сосновая ладья, так как она предположительно была построена в Швеции. В то время корабельные сосны на юге Скандинавии не росли, а орнаменты, которыми украшены доски лодки, идентичны орнаментам на камнях в Швеции, вырезанным примерно в то же время. Момент перехода точно не известен, но самое раннее свидетельство применения весел с уключинами –

уключина из болота Хурдаланн в Норвегии, датированная в пределах около 30 г. до н. э. – 250 г. н. э.

Много споров вызывает время появления паруса на скандинавских судах: сведения, которыми располагают ученые, скудны. Кельтские народы Галлии, Британии и Ирландии определенно ходили под парусом в доримские времена, и Тацит в «Истории» пишет, что германцы с побережья Северного моря применяли парусные суда в войне против Рима в первом столетии Новой эры. Вместе с тем в «Германии» он пишет, что свионы (шведы) не применяли на своих судах ни паруса, ни уключины. Обе нюдамские ладьи, конечно, имели уключины, но не имели парусов. В то время когда ладьи затопили в болоте, южные соседи англов – саксы – на парусных судах совершали нападения на римскую Британию и прославились своим обыкновением на обратном пути, призывая попутный ветер, приносить в жертву римских пленников. Таким образом, в IV в. скандинавы не могли не знать о парусе. Многие скандинавские купцы и солдаты-наемники наверняка были знакомы с римскими парусными судами. Однако самое раннее бесспорное указание на применение паруса в Скандинавии относится к VII в. – это камень из Карлби, с восточного побережья Ютландии, на котором вырезан корабль типа нюдамского, идущий под парусом.

Парус и Скандинавия

Позднее появление паруса в Скандинавии трудно объяснить, тем более что сама по себе технология нисколько не сложна: шерстяное одеяло или кожаный плащ, два деревянных шеста и веревка – вот все, что требуется для устройства простейшего паруса. Наиболее широко признанная версия, будто кили судов типа нюдамской ладьи не выдержали бы нагрузки, создаваемой парусом, никем не проверялась экспериментально и звучит неубедительно, если вспомнить, что по всей земле паруса устанавливались на самых разных типах плавательных средств, конструкция которых зачастую куда примитивнее, чем у нюдамских ладей. Дежурный довод таков: если парус не применялся, значит, в этом просто не было нужды. На военных судах в любом случае многочисленная команда, а парус хорошо заметен (викинги, приближаясь к враждебным берегам, нередко опускали его в надежде высадиться на берег незамеченными), так что в нем, возможно, и не видели особенной выгоды, пока речь шла о недалгих плаваниях по закрытым от ветра фьордам и вдоль берегов. А командовать гребцами, видимо, было для вождей и конунгов лишним знаком власти. Вместе с тем дальний поход на веслах – это тяжелая работа даже для привычного моряка, так что аргументация такого рода не убеждает. Возможно, преимущества паруса стали очевидны консервативным мореплавателям – скандинавам, лишь когда в V в. они начали совершать дальние морские походы, торговые и военные.

Ладьи составляют лишь часть нюдамских находок. Раскопки обнаружили тысячи единиц оружия или его частей: мечи, копья, пики, топоры, луки со стрелами, затейливо украшенные деревянные ножны, серебряные пряжки от ножен и ремней, а еще серебряные слитки и личные вещи вроде расчесок и деревянных коробов. Оружейные находки наиболее многочисленны вблизи ладей, но в болоте обнаружили во множестве и другие военные приношения. По большей части они состоят из нескольких копейных наконечников, но одно, окруженное оградой из 36 мечей, погруженных остриями вниз, насчитывает больше тысячи объектов. Совершенное около 450–475 гг., это самое крупное из известных оружейных приношений в Нюдамском болоте и одно из последних в Скандинавии. Верования вновь менялись, болота утратили прежнюю роль священных мест, и обычай болотных жертвоприношений исчез.

Руны и магия

Находки в Нюдамской трясине указывают на еще одну важную перемену в жизни Скандинавии: обретение письма. Ранние германцы и скандинавы писали рунами, системой значков, похожих на ветки, известной как «футарк» (по названиям первых трех символов). Хотя их часто резали на камне и металле, изначально руны создавались для вырезания на дереве: их формы избегают горизонтальных линий, которые трудно увидеть в древесной текстуре. Старейшая из известных рунических надписей состоит из слова *haŕja*, личного имени, и сделана на гребне, найденном в болоте у Вимозе на острове Фюн и датированном приблизительно 150 г.

Крупнейший корпус ранних рунических надписей обнаружен на юге Скандинавии, но утверждать, что руны там и изобрели, нельзя, потому что руническое письмо знали все германские народы. Происхождение футарка имеет свою мифологию. В эпоху викингов скандинавы верили, что это дар Одина, который, чтобы постичь тайну рун, на девять дней пригвоздил себя копьем к Иггдрасилю. Нынешняя теория более прозаично возводит руны к латинскому алфавиту, с которым древние германцы легко могли познакомиться благодаря римским купцам или служа в римской армии.

Определенно в Скандинавии железного века руны знали и использовали далеко не все. Из тысяч артефактов, раскопанных в Нюдамском болоте, только на десяти есть рунические надписи. В основном на военном снаряжении – древках копий и стрел, наконечниках копий, декоративном навершии рукояти меча, ножнах. Единственный надписанный рунами предмет не сугубо военного назначения – серебряная поясная пряжка. Это позволяет заключить, что руны были признаком высокого общественного положения. Все надписи короткие, в одно или два слова, в большинстве случаев это просто имена: владельца предмета, мастера-изготовителя или резчика, вырезавшего руны. Например, на ножнах, найденных в сосновой ладье, есть надпись *harkilaR ahti*. Значение слова *ahti* неизвестно, но *harkilaR* – это мужское имя. Мечи в то время были редкой и дорогой вещью, так что Харкилар мог быть убитым командиром сосновой ладьи. Одна из надписей, сделанная на древке копья, вообще не складывается ни в какое слово: просто цепочка рун и похожих на руны значков. Это дает нам представление о том, как руны воспринимались: каждый отдельный знак был не менее значим, чем слова, которые этими знаками записывались.

Для большинства цивилизаций главным стимулом развития письменности была необходимость хранить данные о многолюдном и сложном обществе, в котором человеческая память уже не может удержать всю информацию, необходимую для успешного управления. Первыми появляются списки товаров и налоговые квитанции. Хроники, литература, исторические, религиозные и философские тексты возникают позже. Германо-скандинавский мир в римском железном веке был еще далек от этого уровня сложности, и письмо здесь служило иным целям. Слово «руна» значит «тайна» или «скрытое», так что это было эзотерическое знание. Считалось, что руны обладают магией. Они имели имена, воплощали богов, силы и идеи. Актом начертания руны человек привлекал ту или иную силу на службу. Вырезание какой-то из рун, названных именами богов, например стреловидной «тейваз», связанной с богом войны Тюром (Тейвазом), было взыванием к этому богу о покровительстве. Таким образом, вырезание на предмете рунических заклинаний превращало его в амулет. Вместе с тем не всякий мог резать защитные руны, а только обученный мастер-резчик: лишь тогда они обладали магией. Ошибки в написании делали заклинание бесполезным или даже вредоносным. До самой эпохи викингов применение рун в Скандинавии ограничивалось вырезанием имен и заклинаний, но затем появляются пространственные памятные надписи. Норманнские граффити в жанре «Здесь был Хальфдан» обнаруживаются по всему доступному викингам миру от Гренландии до Греции и говорят о том, что к этому моменту руническая грамотность широко распространилась.

Большинство германских народов вскоре после принятия христианства отказались от рун, обремененных языческими ассоциациями, и перешли на латинский алфавит. Тем не менее в Скандинавии руны продолжали использоваться и в Средние века, когда на футарке записывались даже своды законов и другие важные тексты. В провинции Даларна в средней Швеции традиция писать рунические заклинания дожила до XX столетия.

Римское влияние на севере

Косвенной причиной перемен в скандинавском обществе было влияние Рима на германские племена, соседствовавшие со Скандинавией на юге. К концу I в. до н. э. племена германцев имели с Римской империей общую границу, проходившую по Рейну и Дунаю. Несмотря на совершаемые обеими сторонами набеги, 400 лет она оставалась незыблемой. Контакты с Римской империей оказали громадное влияние на племена германцев, жившие вдоль границы. Они обогащались за счет добычи, полученной в результате вторжений, помощи римлян дружественным племенам, платы за воинскую службу. Северные соседи грабили пограничные племена, торговали с ними и тоже в свою очередь обогащались. Люди, преуспевшие в набегах или наложившие руку на распределение товаров, скоро выделялись из общей среды богатством и влиянием. Римские авторы, такие как Тацит, писали, что в германском обществе той поры главным общественным институтом стал комитат, или воинская дружина. Комитат, в эпоху викингов называвшийся в Скандинавии *lið* или *higrð*, составлялся из молодых воинов, пришедших служить вождю или королю. В награду за верность и воинскую службу они получали еду и кров, дары в виде оружия и украшений и долю в воинской добыче. Дружинники клялись хранить преданность вождю до конца дней, но и тот должен был честно выполнять свою часть договора. Вождь, не желающий или не способный вознаграждать своих воинов, недолго удержал бы дружину. Вожди, не отличавшиеся в военном деле, теряли вес, а те, что были хорошими воинами, укреплялись, потому что их успех привлекал новых сподвижников, а чем сильнее становилась дружина, тем успешнее она была на полях сражений. Такого рода динамика сформировала агрессивное, разбойничье общество, в котором война стала самым верным способом стяжать богатство, положение и власть. Другим итогом стала концентрация власти в руках все более узкого круга лиц, сопровождавшаяся острой конкуренцией между честолюбивыми мужчинами и способствовавшая объединению разных племен. Бывало, что сильное племя одолевало и поглощало слабого соседа, но столь же часто племена объединялись по обоюдному желанию. Они заключали союзы, создавая коалиции, чтобы успешнее вести войну. Когда такой союз скрепляли военные успехи, он становился основой для новой этнической общности. Например, таким образом из многоплеменных союзов сформировались народы саксов и франков.

Германский железный век (400–800 гг.) был в Скандинавии героической эпохой – этот протоисторический этап развития частично отражен в легендах о воинах-драконоборцах и великих битвах. В начале этого периода процесс централизации, преобразивший германский мир, еще не достиг Скандинавии. Иордан в своей работе «О происхождении и деяниях гётов» перечисляет более 20 племен, обитавших на «острове Скандза», и это без учета англов и ютов, живших на Ютландии, которую Иордан частью Скандзы не считал. Список Иордана целиком основан на рассказах Родульфа, изгнанного короля норвежского племени рани. Однако, согласно Иордану, два племени доминировали уже тогда: шведы, или, как они называли себя сами, свеары, и даны, чья территория включала Сконе и Блекинге, что на крайнем юге современной Швеции. Еще одним мощным племенем были гёты, жившие между шведами и данами на лесистом Южном нагорье Швеции. В Норвегии обитало восемь основных племен, границы расселения которых можно установить с достаточной определенностью, так как их названия этимологически связаны с географическими названиями современной Норвегии. Раумарики, вероятнее всего, жили в Румерике, алоги – в Холугаланде, за Северным полярным кругом, руги – в Ругаланде и т. п. Рани, из которых вышел Родульф, вероятно, обитали в Румсдале, долине реки Раума, на западе страны. Из-за своей иззубренной территории Норвегия даже к началу эпохи викингов оставалась страной многих племен. В других землях большинство племен, перечисленных Иорданом, к тому времени уже исчезли. Даны ассимилировали англов с ютами и еще одно упоминаемое Иорданом племя – герулов, живших между данами и гётами.

Шведы и гёты ассимилировали остальных. Определенно, это не было мирное слияние. По всей Скандинавии расплодились крепости – мы знаем более 1500, относящихся к этому периоду. На острове Эланд протяженностью 137 км возвели 19 круглых фортов из камня, так, чтобы всюду было не больше 3–4 км до убежища. В те же годы наблюдался отток населения с побережья вглубь территории – верный признак того, что вдоль берегов орудовали пираты. Может быть, в Европе эпоха викингов началась не прежде 793 г., но в Балтийском море что-то подобное «заварилось» много раньше.

Первая половина германского железного века называется Великим переселением народов (400–500 гг.): несколько волн германских миграций обернулись в 476 г. окончательным падением Западной Римской империи. Первопричиной германских миграций было начавшееся около 370 г. вторжение в Восточную Европу гуннов, свирепого народа кочевников-тюрков из Средней Азии. Племена, у которых хватало сил, пустились отвоевывать себе безопасные земли у соседей и привели в движение почти весь германский мир. Иные племена раскололись и были поглощены сильнейшими, а из временных военных союзов родились новые этносы. Ряд племен, в том числе готы, вандалы, бургунды и свевы, искали спасения на территории Римской империи и, смяв пограничные кордоны, проникли на ее земли. До Скандинавии гунны не добрались, но политический хаос Великого переселения открывал ее обитателям новые возможности для развития. Британия в 410 г. вышла из-под власти Рима и досталась в добычу саксам, которые высадились там и вскоре стали заселять изобильные земли юго-востока и центральных равнин. Саксы также не преминули воспользоваться хаосом, который вторжения чужаков посеяли в Римской Галлии, и закрепились в нормандском Па-де-Кале и на реке Луаре. В то же самое время саксы дошли до Оркнейских островов на севере, на западе до Ирландии и на юге до Аквитании. В Британии к саксам скоро присоединились англ, расселившиеся по восточному побережью Англии на север от залива Ферг-оф-Форт. Следом приплыли юты, чьей главной базой стал, по-видимому, Кент. Еще одно племя из Южной Скандинавии, герулы, совершало морские походы на юг до Аквитании и Северной Испании, но они не основали никаких известных колоний. Часть этого непоседливого народа еще в III в. перебралась на земли нынешней Украины, и оттуда они Черным морем отправлялись в походы, чтобы нападать на города Восточного Средиземноморья. Герулов, оставшихся в Скандинавии, в VI в. покорили даны. Вероятнее всего, именно в этот период в Скандинавии вошли в обиход паруса: трудно представить, чтобы англ, юты и герулы так далеко уплывали для грабежа и колонизации на гребных судах – ведь это недели и месяцы пути, – когда их соседи саксы с теми же целями бороздили те же воды на куда более скоростных парусных ладьях.

Эпоха «Беовульфа»

У скандинавских морских разбойников были заботы и поближе к родным берегам: нападения на Фризию, область на побережье Северного моря, ныне разделенную между Германией и Нидерландами. Около 528 г. во Фризию нагрянул скандинавский король Хигелак, поднявшийся по Рейну до Неймегена, где был разбит франками и погиб. Во время этих событий Скандинавия уже выходила из сумрака доистории: поход Хигелака описан в четырех независимых друг от друга литературных источниках, включая практически современную ему «Историю франков» Григория Турского и эпическую англосаксонскую поэму VIII в. «Беовульф»³. К сожалению, источники не сходятся в том, чьим предводителем был Хигелак. Григорий Турский и еще два франкских источника называют его королем данов – это первое упоминание данов в истории, – но в «Беовульфе» он именуется королем гётов, народа из Южной Швеции, или даже ютов, обитателей Ютландии. Герой поэмы Беовульф принимает участие в походе Хигелака и после поражения короля в битве вплавь отправляется домой в полном вооружении под водой. Беовульф спасает датского короля Хродгара от ужасных чудовищ-людоедов – Гренделя и его матери, становится королем гётов и погибает, убивая дракона, который опустошал страну. В «Беовульфе» также описан еще один поход данов на Фризию, который отражен и в частично сохранившейся ранней англосаксонской поэме «Финнсбург». Есть еще франкская поэма, написанная около 570 г., рассказывающая о другом крупном вторжении данов во Фризию, также отраженном франками. До начала эпохи викингов больше никаких упоминаний о датских нападениях на фризов не встречается, так что, вероятно, этот разгром на 200 лет отучил данов вторгаться в те края, которые франки считали своей сферой влияния.

Великое переселение народов для Скандинавии стало в буквальном смысле золотым веком. Германцы и гунны в ходе миграций неплохо поживились римским золотом и серебром, захватывая его грабежом и получая в виде дани. Немалая часть этого богатства в конце концов оказалась в Скандинавии, прибыв с купцами, пиратами, грабившими балтийские берега, или вернувшимися домой наемниками. Одна из дорог, которыми римское золото текло в Скандинавию, вела через Восточную Европу и воды Балтики к островам Борнхольм, Эланд и Готланд, где обнаружено несколько кладов с драгоценностями, относящихся к эпохе Великого переселения. Впрочем, самый богатый клад этого периода обнаружили в XVIII в. в Турехольме, провинция Седерманланд в средней Швеции, и он состоял из 12 кг золота. Драгоценности закапывали в землю по двум причинам: для ритуального приношения богам или – в те эпохи банков еще не изобрели – для сохранности. Во втором случае, однако, владелец намеревался рано или поздно забрать сокровище, а не оставлять его дорогостоящим посланием в грядущее для археологов либо кладоискателей. Для большинства кладов говорить об обрядовых мотивах нет никаких оснований, и в том, что владельцы столь многих тайников не вернулись за своими сокровищами, проще всего увидеть признак времени, полного опасностей. Борнхольм, Эланд и Готланд особенно часто подвергались нападениям, так что владельцы покинутых кладов, по всей видимости, были убиты разбойниками или захвачены в плен и увезены для продажи на невольничьем рынке. Ввозимое римское золото большей частью переплавлялось и превращалось в изысканные украшения или иные престижные предметы на потребу аристократии. Именно в начале эпохи Великого переселения мастера в Южной Скандинавии вырабатывали скандинавско-германский звериный стиль, в котором условные и неестественно вытянутые фигуры реальных и вымышленных зверей, переплетаясь, образуют головокружительно сложные узоры. Новый стиль стал, по-видимому, реакцией на беспокойные времена, оригинальным языком символов, понятным лишь тому, кто знает, как их читать. К сожалению, до нас

³ Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. – М.: Эксмо, 2014.

это знание не дошло. Ввезенный англосаксами в Британию, звериный стиль смешался с аборигенными кельтскими стилями, и так появился гибридный гиберно-саксонский декоративный стиль, прекрасные образцы которого мы находим в иллюстрированных рукописных книгах, таких как Линдисфарнское Евангелие и Келлская книга. В Скандинавии звериный стиль прошел несколько этапов развития, но в конце эпохи викингов его вытеснил привнесенный извне христианский романский стиль.

Один из характерных типов ювелирных изделий эпохи Великого переселения народов – брактеаты, золотые медальоны-подвески, приблизительно копирующие римские образцы. На брактеатах часто встречаются изображения мужской головы и лошади – предположительно, Одина и его боевого коня Слейпнира, – а иногда и рунические надписи, по большей части не поддающиеся дешифровке. При этом мало найдется артефактов, столь убедительно доказывающих богатство владельца, как два изукрашенных золотых рога для питья, обнаруженных в Галлехусе, на Ютландии, больший из которых имеет длину 75,8 см и весит более 3,5 кг. Подобные сосуды, другая драгоценная столовая утварь, изящные украшения и оружие выставлялись на обильных пирах, которые были лучшим – после военных походов – способом упрочить репутацию короля или вождя: путем раздачи сподвижникам геройских порций мяса, заполнения желудков элем и медом и осыпания пирующих ценными дарами. Другой пример римского влияния в этот период – гульдгубберы («золотые человечки»). Это миниатюрные жертвенные таблички из золотой фольги с оттиснутыми на них фигурами мужчин, реже – женщин или пар, которые, как считается, делались по подобию римских храмовых монет. Около 75 % от 3000 найденных гульдгубберов происходит из Сорте Мулда, торгового и культового центра на острове Борнхольм. Изготовление гульдгубберов было поставлено на поток, многие из них очевидно штампованы одной и той же матрицей.

Неспокойные времена отразились не только в металлических изделиях севера, но и в легендах. Именно тогда зародилась важнейшая из скандинавских легендарных саг – «Сага о Вэльсунгах». Она рассказывает о деяниях легендарного героя Сигурда: как был выкован его волшебный меч Грам, как Сигурд убил дракона Фафнира и завладел его проклятыми сокровищами и как сам был убит по наущению отвергнутой возлюбленной валькирии Брюнхильды. Хотя такой сюжет вряд ли мог иметь какую-то фактическую основу, нескольких ключевых персонажей «Саги о Вэльсунгах» можно отождествить с историческими личностями периода Великого переселения. Муж Брюнхильды Гуннар написан с короля бургундов Гундахара, погибшего в сражении с гуннами в 437 г.; убивший Гуннара король Атти – это почти не завуалированный Аттила, предводитель гуннов (умер в 453 г.), а Йормунрек, муж дочери Сигурда Сванхильды, – это Эрманарих, король готов, который покончил с собой после поражения в битве с гуннами в 375 г. Прототипом самого Сигурда, по мнению некоторых исследователей, стал франкский король Сигиберт (умер в 575 г.), убитый в семейной расправе между его женой и его братом с любовницей. Если это так, то прообразом Брюнхильды вероятно, была жена Сигиберта Брунгильда Бургундская.

Первые скандинавские королевства

Конец германского железного века (550–800 гг.) ознаменовался появлением сильных королевств в Дании и Швеции. Скандинавия оставалась еще вне поля зрения образованных европейцев, так что существование этих королевств удостоверяется главным образом археологическими находками: крупными оборонительными сооружениями, распланированными поселениями, богатыми погребениями и пиршественными дворцами. Все это указывает на присутствие сильной центральной власти, имеющей в своем распоряжении значительные материальные и людские ресурсы. Центр одного из таких королевств располагался, предположительно, на юге Ютландского полуострова, там, где по перешейку между Холлингшtedтом и Шлезвигом проходил 30-километровый вал с бревенчатой стеной, ныне известный под названием Даневирке. Сегодня Даневирке находится в Германии, а в раннем Средневековье болота и бесплодные пустоши этого безлюдного края служили естественной границей между данами и их южными соседями, саксонскими племенами. Сначала Даневирке был просто земляным валом, насыпанным около середины VII в. Примерно 80 лет спустя его нарастили в высоту, а поверху поставили бревенчатый частокол, тем самым значительно укрепив. Благодаря дендрохронологии нам известна дата установки частокола: деревья, из которых он построен, срублены в 737 г. В Средние века Даневирке, который и сейчас местами достигает высоты более 6 м, укреплялся еще несколько раз и утратил свое значение лишь в XIV в. Сооружением Даневирке управляли, скорее всего, из административного центра, недавно обнаруженного учеными во Флюсинге, что близ Шлезвига. Пиршественный дворец VIII в. размерами приблизительно 30,5 м на 9,1 м, обнаруженный там, окружают до 200 меньших зданий, где могли бы временно разместиться около 1000 воинов.

Другое большое строительство, предпринятое, вероятно, тем же королем, – канал через узкий перешеек на острове Самсе, что у восточного побережья Ютландии. Этот проект дендрохронология датирует 726 г. Канал строился, вероятно, для того, чтобы военным кораблям было удобнее охранять воды по обе стороны острова. К этим же годам относится и основание старейшего города Скандинавии, Риббе, расположенного на западном побережье Ютландии. Участок размерами приблизительно 201 на 64 м осушили, выровняли, насыпав 60-сантиметровый слой песка, и разделили на прямоугольные участки. Дубовые доски из колодезного сруба позволяют датировать эти события периодом между 704 и 710 гг. Около 720 г. проложили центральную улицу, а около 730 г. ее вымостили досками. Постоянных зданий в Риббе пока не обнаружено, но есть следы временных хижин и ремесленных мастерских, и это значит, что город изначально служил местом сезонных ярмарок. Рыночную площадь окружали изгородь и ров. При их размерах они не могли служить защитой и, вероятно, предназначались для того, чтобы регулировать доступ на торг и собирать пошлины.

Торговля связывала Риббе с Византией, Италией и Норвегией, но больше всего товаров импортировалось из франкского королевства: жернова из лавы с гор Айфель, стекло и керамика с Рейна. В больших количествах в Риббе находят необработанный янтарь: вероятно, это была важная статья экспорта. Есть признаки того, что на ярмарку в Риббе сгоняли большие стада скота, так что, видимо, экспортировались и скоропортящиеся товары, типа кожсырья. Сама постройка Риббе указывает на существование правителя, который решал, когда и где на его землях быть торгу, и гарантировал безопасность торгующих на территории ярмарки. Первые скандинавские монеты, имитация фризских, так называемых скеатта, отчеканены около 720 г. в Риббе, и, значит, правитель в той или иной степени управлял средствами обмена. Местопребыванием этого правителя могло быть постоянное поселение, обнаруженное в 229 м на юго-восток от торга. Точно идентифицировать личность правителя невозможно, но высока вероятность, что это был Ангантюр, датский король, у которого около 725 г. побывал англосаксонский

монах Виллиброрд, отправившийся в первую миссию в Скандинавию. Биограф Виллиброрда писал об Ангантюре: «Жесток хуже дикого зверя и тверд как камень». Однако миссионеров король принял вполне любезно, хотя и не выказал желаний обратиться в христианскую веру.

Ангантюр не был в Дании единственным королем. В «Беовульфе» герой гостит у датского короля Хродгара, о котором сказано, что он из династии Скильдингов. Та же династия упоминается в полулегендарных сагах и в «Деяниях Данов» (лат. *Gesta Danorum*) датского историка XII в. Саксона Грамматика как Скъельдунги. Мнения об историчности Скъельдунгов менялись, и на сегодня ученые сходятся в том, что династия в самом деле существовала, но дошедшие до нас истории относятся скорее к области легенд, чем к историческим фактам. Скъельдунгов принято связывать с деревней Гаммель-Лейре (Старая Лейре) на острове Съелланд (Зеландия). Вокруг деревни обнаружена необычная концентрация доисторических курганов, датируемых от неолита до поздней эпохи викингов: очевидно, это место имело и долго сохраняло особую культовую важность. Проводимые в последние 30 лет археологические раскопки в Гаммель-Лейре показывают, что с VI по X в. здесь постоянно существовали большие бревенчатые пиршественные дома, а значит, в период становления датских королевств в этом поселении находился один из центров королевской власти. Вероятно, оно привлекало съелландских владык многочисленными древними монументами: короли надеялись укрепить собственную власть за счет ассоциации с местом, имеющим столь явную древнюю силу.

Залы и хёрги

Старейший из пиршественных залов в Гаммель-Лейре построен во Фредсхое, рядом с крупным погребальным курганом бронзового века на невысоком гребне над болотистой долиной речки Лейре. Это сооружение с выгнутыми стенами около 45 м в длину и 7 м в ширину датируется приблизительно второй четвертью VI в. Если Хродгар действительно существовал, это вполне мог быть его дворец. Поблизости от него располагался хёрг, то есть жертвенник или алтарь в виде груды камней. В ямах, окружающих хёрг, свалены осколки керамики и останки тысяч жертвенных животных. В начале VII в. Фредсхой был заброшен, взамен появился Мюссельхойгард, примерно в 500 м южнее. Как и Фредсхой, он стоял на холме над рекой, имел длину в 48,5 м, ширину 11,5 м, площадь 500 кв. м и внутри был разделен на главный зал, кладовые и жилые комнаты. Несколько крупных строений возле дворца предположительно были жилищами придворных воинов и гостевыми домами. Дворец и дома окружал частокол, ограждавший от посторонних.

За пределами королевского лагеря располагалась небольшая колония ремесленников, снабжавших королевскую семью престижными металлическими изделиями, необходимыми для демонстрации статуса и для одаривания верных дружинников. Продовольствием поселение снабжала большая ферма в 500 м к северу. Как и во Фредсхое, неподалеку от пиршественного зала располагался хёрг. Немецкий хронист Титмар Мерзебургский около 1016 г. писал, что в Гаммель-Лейре раз в девять лет 6 января проходил культовый праздник с жертвоприношением 99 человек, стольких же лошадей и без счета собак и петухов. Однако никаких признаков человеческих жертвоприношений в этом месте донныне не обнаружено. В годы, когда Мюссельхойгард был обитаем, построено крупнейшее из культовых сооружений Гаммель-Лейре. Это 86-метровая каменная ладья, сегодня не полностью сохранившаяся, предназначенная для религиозных обрядов и захоронений. Поселение в Мюссельхойгарде существовало более 350 лет. За это время и дом торжеств, и остальные здания много раз перестраивались, но новый пиршественный зал всякий раз строился с сохранением прежних размеров и планировки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.